

УДК 343.11

Уголовно-процессуальная модель защиты в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних**Корякина З.И.**

Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск)

Статья посвящена описанию модели защиты по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, установленной в УПК РФ. Выявляются основные ее признаки, анализируются положительные и отрицательные качества.

Ключевые слова: несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, защита, уголовное судопроизводство, защитник, законный представитель.

Уголовно-процессуальное законодательство является одним из часто обсуждаемых в науке и обжалуемых в судебном порядке Федеральных законов Российской Федерации, в том числе и в юрисдикции Европейского Суда по правам человека.

Особенность данного законодательства заключается в исключительности его как основного источника права, регламентирующего порядок производства по уголовному делу. Как процедурный закон, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее по тексту – УПК РФ) преимущественно регулирует порядок производства уголовных дел, связанных с ним реализацию уголовно-процессуальных функций, а также правовой механизм реализации материальных норм, устанавливающих уголовную ответственность.

В процессе регулирования общественных отношений каждый нормативно-правовой акт диктует свой определенный свод правил, системное представление о котором формирует определенную правовую модель.

Понятие уголовно-процессуальной модели мы определяем из общеправового понятия правовой модели. Так, исходя из анализа некоторых публикаций, правовая модель – это форма отражения правовой действительности, несущая информацию об объекте [1, с. 13; 2, с. 2]. По мнению И.А. Насоновой, правовая модель представляет собой теоретически и нормативно обоснованный образ, формирующий объективное представление о современном ее состоянии, а также перспективах совершенствования,

включает роль, общие условия, объект, субъекты, средства [3, с. 13].

Считается, что определение модели регулирования социально-правового явления позволяет более четким образом представить правовой алгоритм, описывающий тот или иной механизм реализации правовых отношений.

Уголовно-процессуальная модель является эффективной и адекватной только в том случае, если она адаптирована под действующие современные правовые и социальные реалии правоприменительной деятельности.

Одной из ключевых функций, осуществляемых в уголовном судопроизводстве, является функция защиты, основное внедрение которой происходит через реализацию права на защиту. Право на защиту принадлежит всем без исключения лицам, проверяемым, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления. Вместе с тем в зависимости от характерных признаков личности подозреваемого, обвиняемого, указанных в ст. 51 УПК РФ (возраст, пол, наличие физических или психических недостатков, степень владения языком судопроизводства (национальность), а также совершенного им общественно-опасного деяния и особенностей рассмотрения уголовного дела в суде), реализация этого права обладает определенной спецификой. Особое значение принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту приобретает в производстве по уголовным делам о преступлениях лиц, не достигших к моменту совершения преступления

18-летнего возраста. Прежде всего это проявляется в особенностях уголовно-процессуального, уголовно-правового положения несовершеннолетнего лица. Об этом говорит и установленный в Главе 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» специальный правовой подход в отношении несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Несмотря на научные исследования о правовом положении несовершеннолетних, единого мнения о процессуальной модели статуса несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства не сформировано.

Такое происходит в условиях, когда нормативные предписания глубоко связаны с социальными ценностями и не совсем при этом ясны пределы досудебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних. Усложняет ситуацию также расплывчатость некоторых норм о правах несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, а также иных лиц, когда требуется обеспечение их защитой на первоначальных стадиях уголовного преследования, применения мер процессуального принуждения, оперативно-розыскной деятельности и т.д., декларативность международных стандартов.

Современную уголовно-процессуальную модель защиты диктуют международные требования о правах несовершеннолетних и их участия в судопроизводстве, под основы которых должно быть приспособлено национальное законодательство [4; 5; 6].

Как показывает анализ указанных норм, основным ядром их требований являются специальная цель и задачи судопроизводства в отношении несовершеннолетних, которые должны быть поставлены в своем национальном законодательстве каждым участником-государством. Эти специальные задачи основаны, как правило, на специализации органов, ювенальная стезя которых обязана обеспечить правовое воздействие на несовершеннолетнего не с целью наказания, а с целью восстановительного правосудия, т.е. применения воспитательного воздействия для возвращения несовершеннолетнего в нормальное поведение.

Российская Федерация, подписав приведенные международные нормы, вместе с тем не стала коренным образом менять правила судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство вместо внедрения специализации у публичных органов процесса предпочло установить отдельную главу о несовершеннолетних с некоторыми исключениями из общих правил уголовного производства.

При этом УПК РФ умалчивает целевое назначение, т.е. причину, по которой в нем отводится особая глава для производства по уголовным делам несовершеннолетних.

Согласно требованиям международных стандартов осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних, в частности, п. 5.1 Пекинских правил, «система правосудия в отношении несовершеннолетних должна быть направлена, в первую очередь, на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения» [4].

В этой связи Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указывает на особую цель, из которого следует, что правосудие в отношении несовершеннолетних правонарушителей должно быть направлено на то, чтобы применяемые к ним меры воздействия обеспечивали максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния и были соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния, способствовали достижению максимального воспитательного воздействия судебного процесса в отношении несовершеннолетних, предупреждению экстремистских противоправных действий и преступлений среди несовершеннолетних, обеспечивали их ресоциализацию, а также защиту законных интересов потерпевших [7].

Из изложенного следует, что требуемая международными нормами с воспитательным доминированием цель российского уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних все же признается и учитывается. Прежде всего в практической деятельности одного из основных применителей уголовно-процессуального законодательства – судов.

Тем не менее если в судебном производстве данное положение находится в центре внимания, то в досудебном, может, и нет. Поскольку Постановление Пленума ВС РФ, в соответствии с п. 7 ч. 7 ст. 2 ФКЗ «О Верховном Суде РФ», адресованы прежде всего судам и имеют правовую силу судебных актов разъясняющего характера, принимаемых в результате изучения и обобщения судебной практики. Более того, в силу ст. 1 УПК РФ судебные постановления не значатся в перечне источников, определяющих порядок уголовного судопроизводства, требующих обязательного исполнения и соблюдения.

Органы досудебного процесса с первоначальных этапов уголовного преследования должны понимать значение уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, сущность воспитательного и карательного воздействия, их соотношение, поскольку следователю (дознавателю) в случае расследования таких категорий уголовных дел не избежать

присутствия такого бремени в своей деятельности. Более того, итогом досудебного процесса может стать прекращение уголовного дела или преследования, в том числе и по специфическим основаниям несовершеннолетнего возраста.

П. 10.3 Пекинских правил «Первоначальный контакт» гласит, что «контакты между органами по обеспечению правопорядка и несовершеннолетним правонарушителем осуществляются таким образом, чтобы уважать правовой статус несовершеннолетнего, содействовать благополучию несовершеннолетнего и избегать причинения ей или ему ущерба, с должным учетом обстоятельств дела».

Таким образом, некоторое воспитательное воздействие в отношении несовершеннолетних правонарушителей требует присутствия с первоначальных этапов уголовного преследования.

Тем не менее, как показал результат проведенного нами анкетного опроса, 82 % следователей (дознавателей) отметили, что цель правосудия по уголовным делам несовершеннолетних установлена ст. 6 УПК РФ, является общей для всех.

Из указанного следует, что правоприменители слабо осознают юридические и социальные границы между совершеннолетием и несовершеннолетием.

Представляется, что если УПК РФ отводит процессу по делам несовершеннолетних обособленное место с соблюдением дополнительных правил производства процессуальных действий, выбором и назначением альтернативных уголовному осуждению мер, то в нем должно быть оговорено и целевое основание для их применения. Поскольку при совокупной оценке таких норм прослеживается некоторая недосказанность, отсутствует связка, которая бы объединила и централизовала уголовное судопроизводство по делам с участием несовершеннолетних, округлив его значением специального правосудия. Отсутствие целевой установки приводит также к игнорированию социального присутствия в производстве по уголовным делам. Уголовный процесс, поскольку он связан с преступностью, не должен отделяться от социальных норм, уровень преступности несовершеннолетних является индикатором государственного и социального развития.

Поэтому в интересах обеспечения нормативного единства специальная цель производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних должна быть установлена в УПК РФ.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ не наделяет особым механизмом реализацию права на защиту несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. Основным и самым примечательным положением является обязательность (императивность) обеспечения участия защитника и законного представителя в уголовном производстве для несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ).

По сравнению с ранее действовавшим УПК РСФСР (ст. 19 УПК РСФСР) законный представитель не входил в перечень лиц реализации права на защиту (ст. 19 УПК РСФСР).

Согласно ст. 16 УПК РФ, исходя из ключевой роли, доверенной защитнику и законному представителю, установленной в связи, как отмечают некоторые авторы, с ограниченной уголовно-процессуальной дееспособностью несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого [8], в РФ сформирована, таким образом, модель удвоенной защиты несовершеннолетних. Двойной стандарт защиты несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых исходит как из профессионального, так и непрофессионального аспектов.

Следует отметить, что не во всех зарубежных законодательствах имеется форма двойной защиты несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений. В частности, сами Пекинские правила не указывают на необходимость обязательного участия законного представителя и защитника в судопроизводстве по уголовным делам несовершеннолетних, оставляя этот вопрос на усмотрение национального законодателя.

Например, в тех странах, где существуют системы альтернативных суду органов по рассмотрению уголовных дел несовершеннолетних (например, Семейные суды или конференции), участие адвоката в процедуре не предусматривается либо ограничено процессуальными рамками (Новая Зеландия, Уэльс, Шотландия). В других государствах, где система правосудия в отношении несовершеннолетних основана на специализированных судебных и досудебных органах для несовершеннолетних, предусматривается либо право воспользоваться услугами адвоката (Канада, Германия, Швеция, США), либо обязательное его участие в процессе как гарантия принципиального характера (Франция, Англия, Белоруссия, Казахстан) [9, с. 65-99; 10, с. 74-99; 11, с. 125-197].

Участие же законных представителей в законодательстве указанных государств предусмотрено во всех случаях, отличия имеются лишь в правилах их допуска.

Как видно, многие государства больше внимания и значения в судопроизводстве по делам несовершеннолетних отдают законному представителю, нежели адвокату.

В российском уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних законный представитель фактически не наделен достаточным объемом прав, использование которых может позволить ему реально противостоять обвинению. Так, он допускается для участия в уголовном деле только с момента начала первого допроса несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 426 УПК РФ), тогда как уголовное преследование начинается до либо со стадии возбуждения уголовного дела (ст. 144 УПК РФ). УПК РФ также не предоставляет

законному представителю таких прав, как право использовать для защиты иные средства и способы, не запрещенные законом, обращаться к специалистам, задавать вопросы в ходе следственного действия и т.д.

Несмотря на такие расхождения, закрепление обязательного участия защитника и законного представителя при производстве по уголовным делам несовершеннолетних (п. 2 ч.1 ст. 51, ст. 48 УПК РФ) ученые-процессуалисты, как правило, относят к несомненным достоинствам российского уголовно-процессуального законодательства и видят в нем только позитивную нагрузку [12, с. 4; 13, с. 95; 14, с. 94].

На наш взгляд, значение удвоенной защиты несовершеннолетних (как особого правового средства защиты, установленного под специфику производства по таким категориям уголовных дел) сильно завышено, т.к. процессуальное сочетание прав и обязанностей профессиональной защиты с непрофессиональной остается разрозненным.

Безусловно, роль профессионального защитника и законного представителя не представляется нам абсолютно идентичной, отличительных признаков достаточного много, последствия выполняемых ими процессуальных действий, объем их возможностей, уровень воздействия на процесс реализуются не одинаково, преимущество, как правило, сохранено в пользу профессионального защитника.

Вместе с тем законодательная формулировка на обязательность участия адвоката-защитника и законного представителя предполагает их совместную активную деятельность в интересах защиты несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Этого требует и ст. 16 УПК РФ, включающая адвоката-защитника и законного представителя в перечень лиц, совместно способствующих реализации права на защиту несовершеннолетнего.

В чем заключается, в отличие от адвоката-защитника, сущность и содержание получаемой от законного представителя помощи, УПК РФ не поясняет. Об этом нет единого мнения также в уголовно-процессуальной науке. По мнению некоторых ученых, эффективность оказываемой законным представителем помощи носит психологический и материальный характер [9, с. 43]. Вместе с тем встречаются точки зрения также о правовом характере такой помощи. Так, по мнению некоторых из них, законный представитель вправе обсуждать с защитником и несовершеннолетним доказательства и их полноту, помогать обвиняемому в ознакомлении с материалами дела и заявлять ходатайства [15, с. 145], способствовать полноте и объективности исследования всех обстоятельств дела [16, с. 50], вести своеобразный «контроль» за действиями органов уголовного преследования [17, с. 105].

Законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого – полноправный

участник уголовного процесса со стороны защиты (ст. 48 УПК РФ), «не связанный жестко ни с позицией подозреваемого, обвиняемого, ни с позицией защитника, действующий в законных интересах подопечного несовершеннолетнего лица так, как он понимает эти интересы» [18, с. 576]. Между тем законный представитель по делу может быть привлечен как свидетель, при этом он совпадает по своим характерным нормативным признакам с близким родственником (п. 4 ст. 5 УПК РФ), с непрофессиональным защитником (ч. 1 ст. 49 УПК РФ). В отличие от защитника, законный представитель может быть отстранен следователем или дознавателем от участия в деле и заменен другим.

Поэтому не во всех случаях участия законного представителя эффективность оказываемой им процессуальной помощи носит четко проявляемый характер. Такое, на наш взгляд, происходит также и потому, что в УПК РФ не совсем отчетливо прослеживается суть процессуального положения законного представителя, цели и задачи его участия, объем полномочий и т.д. По сути, деятельность законного представителя в процессе защиты несовершеннолетнего сводится к формализму.

Таким образом, обобщив изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Полноценное уголовное судопроизводство, соответствующее международным правовым стандартам с элементами восстановительного правосудия по делам в отношении несовершеннолетних, возможно только в том случае, если УПК РФ четко указывает назначение производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Поэтому в ст. 420 УПК РФ можно внести п. 3 следующего содержания:

«3. Порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних предполагает необходимость выявления обстоятельств, связанных с условиями жизни и воспитания несовершеннолетнего, состоянием его здоровья, другими фактическими данными, а также с причинами совершения уголовно наказуемых деяний, в целях применения к ним процессуальных действий, постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, принятия других, предусмотренных законом мер для достижения максимального воспитательного воздействия уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних».

2. Процессуальная модель защиты несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в российском уголовном процессе представляет собой смешанный тип, то есть сочетание двух видов защиты: профессиональной (в лице адвоката) и непрофессиональной (в лице законного представителя).

Результаты сравнительного анализа показали, что преимущественным положением в процессе реализации защиты несовершеннолетнего подозрева-

емого, обвиняемого пользуется адвокат-защитник. Можно утверждать, что российская модель защиты несовершеннолетних является смешанной с преимущественно профессиональным приоритетом.

3. Исходя из анализа статей УПК РФ, защита, реализуемая законным представителем, фактически лишена именно тех возможностей, которые могли бы оказать реальную помощь несовершеннолетнему в рамках реализации его права на защиту.

В этой связи вряд ли следует считать уголовно-процессуальную модель реализации защиты адаптированной под специфику производства по уголовным делам несовершеннолетних.

Игнорирование процессуального положения законного представителя приводит к пренебрежению международными стандартами, тогда как его участие поставлено во главе специального подхода, и именно от него зависит дальнейшее благополучие несовершеннолетнего ввиду наличия личных интересов, нежели от адвоката. Следует также учитывать, что установленные Конституцией РФ (ст. 38) обязанность заботиться о детях и воспитывать их не подлежит ограничению в зависимости от процессуальных обстоятельств.

Для расширения диапазона допуска законного представителя к участию по уголовному делу представляется нужным внесение дополнения в ч. 1 ст. 426 УПК РФ следующего содержания:

«Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления следователя, дознавателя с момента начала процессуальных действий, проводимых в порядке ст. 144 настоящего Кодекса, с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы несовершеннолетнего лица, подозреваемого в совершении преступления.

При допуске к участию в уголовном деле им разъясняются права, предусмотренные частью второй настоящей статьи».

Также считаем, что законному представителю должны быть предоставлены более активные права, такие, как право использовать для защиты несовершеннолетнего подзащитного не запрещенные законом иные средства и способы защиты, обращаться к специалистам, задавать вопросы в ходе следственных и судебных действий.

Тем самым, на наш взгляд, будет обеспечено справедливое и полноправное сочетание, эффективность видов защиты несовершеннолетнего проверяемого, подозреваемого, обвиняемого, а также требуемая некоторая специфика уголовно-процессуальной модели их защиты.

Литература:

1. Безруков А.С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008. – 25 с.
2. Белых С.В. Понятие правовой модели предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. Научно-практический экономико-правовой журнал. – URL: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=891. Дата обращения 23.08.2014.
3. Насонова И.А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2011. – 45 с.
4. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты Резолюцией ГА ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.) // Система «Гарант».
5. Конвенция ООН о правах ребенка (приняты Резолюцией ГА ООН от 20 ноября 1989 г.) // Система «Гарант».
6. Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (приняты Резолюцией ГА ООН 45/112 от 14 декабря 1990 г. в Эр-Рияде) // Система «Гарант».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Российская газета. – 2011. – 11 февраля.
8. Мурышкина Т.А. Общие проблемы уголовно-процессуальной дееспособности обвиняемого. – Кемерово: РГТЭУ, 2006. – 122 с.
9. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. – М.: Дело, 2001. – 272 с.
10. Быданцев Н.А. Прекращение уголовного преследования (дела) в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия в аспекте ювенальной юстиции. – М.: Издат. дом Шумиловой И.М., 2008. – 159 с.
11. Нагаев В.В. Ювенальная юстиция. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2009. – 255 с.
12. Марковичева Е.В. Ювенальное уголовное судопроизводство. Модели, функции, принципы. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 350 с.
13. Колударова О.П. Производство по уголовным делам в отношении безнадзорных несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2011. – 26 с.
14. Борисевич Г.Я. О реализации идей ювенальной юстиции в уголовном судопроизводстве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – №1 (27). – С. 93-99.
15. Букаев В.Н., Мальцев В.В. Расследования преступлений несовершеннолетних: учеб. пособие. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 160 с.

16. Николаева Т.Г., Серова Е.Б. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства: учеб. пособие. – СПб.: С.-Петербург.юрид.ин-т Генер. прокур. РФ, 2004. – 84 с.
17. Никандров, В.И. Участие родителей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в уголовном процессе // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 101-109.
18. Безлепкин Б.Т. Справочник адвоката по уголовному процессу. – М.: Проспект, 2004. – 680 с.

The Criminal Procedural Model of Protection in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases over Juvenile Crime

Z.I. Koryakina

***Federal State Optical University of the North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov***

The article gives outline of the model of protection in criminal cases over juvenile crime established by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Whereby its main features are revealed, and its positive and negative qualities are analyzed.

Key words: minor, suspect, accused, defense, criminal proceedings, defense counsel, legal representative.

